

*Всего-то одна жизнь
Разве одна-единственная жизнь
что-нибудь значит?*

ГЛАВА

1

Как же их много...

Они повсюду. Они прячут лица под масками, их сердца непоколебимы, а стремительные мечи несут смерть. Мой собственный меч дрожит в руках, после каждого отраженного удара боль пронзает руку, плечо, грудь и отдается в голове. Я двигаюсь все медленнее.

Вокруг — влажные холодные стены. В трещинах на каменном полу бурые капли крови. От камней веет безысходностью. Отсюда не выбраться. Мне-то уж точно. Стены давят...

Меня атакуют безликие противники, похожие один на другого. Королевские воины. Быстро они раскусили, что я не из их числа. Уже долго я слепо машу мечом — забыты все разученные техники. Паника взяла надо мной верх. Слышу лишь собственное тяжелое дыхание, стук сердца и кровь, бурлящую в жилах. Кровь, которая сочится из ран, пачкает одежду. Все это слишком... надеяться не на что.

Чудеса закончились. Желание, загаданное на звезду, оно так далеко... Да и не заслуживаю я чуда.

Звуки доносятся будто издалека. Слышу крики словно сквозь толщу воды.

Это меня окунают в воду. Жесткая хватка на волосах, во рту металлический привкус крови.

Вдох-выдох. Жадно глотаю воздух. Нет здесь никакой воды. Это страх, и на вкус он, как река Лирия.

Продолжай дышать! Продолжай. Дышать.

Плечо обжигает болью: меня ранили. Безликий воин передо мной заносит меч. Если не отражу этот удар, он размозжит мне голову...

Кто-то нападает со спины, пытается перехватить мою правую руку. Не успеваю ничего сообразить, реагирую инстинктивно. Будто со стороны вижу, как перехватываю меч другой рукой и вскидываю его, защищая голову от удара. Одновременно с этим бью правым локтем назад и попадаю — кто-то отступает. Отразив удар меча спереди, я стремительно оборачиваюсь к противнику за спиной...

ГЛАВА 2

— Майлин?

Люсинда смотрит на меня, широко распахнув глаза. У нее из носа на светлые половицы капает кровь.

Меч выскальзывает из руки. Бамбуковый синай — а не тот двуручный меч. Ну конечно. Я же в додзе, а не во дворце. Но почему у Люсинды идет кровь? Проклятье! Что тут случилось? Я... ранила ее?

Смотрю в испуганные лица других бойцов. Вижу страх даже у тех, чьи лица скрывает защита: страх проступает сквозь маски, словно свет сквозь тонкую ткань. И в лучах этого страха — я.

— Я... я тебя?.. Боже мой! Я не хотела, прости!

Да что на меня нашло?

Я уже собиралась броситься прочь, но тут Люсинда подняла руку. Никто, кроме нее, не смог бы меня остановить. Однако она — моя наставница, а проигнорировать указание наставницы еще неуважительнее, чем ударить ее по носу. Люсинда вытерла кровь, но это не помогло, кровь не остановилась. Какая-то женщина протянула Люсинде носовой платок. Поблагодарив, та приложила его к лицу.

Никак не пойму, что все-таки произошло...

— Мне очень жаль, — лепечу я.

Другие бойцы перешептываются. В ушах у меня шумит, и это даже хорошо — так я не слышу, о чем они говорят.

Что сказать в свое оправдание? Мы просто отработывали атаки и техники защиты. Но в какой-то миг я очутилась в другом месте. Очутилась в Лиаскай...

И я перестала быть собой.

— Все в порядке, — говорит Люсинда, обращаясь к другим, не ко мне. — Такое случается. Закончим на сегодня, идите переодеваться.

Нос у нее распух, поэтому голос звучит приглушенно. Я-то знаю: ничто меня не извинит. Да, Люсинда сказала правду, такое бывает, и во время занятия кендо можно ненароком получить по лицу. Но со мной произошло совсем другое. Я потеряла контроль. Человек в подобном состоянии и с мечом в руке... Нельзя, чтобы такое случалось.

Бросив на меня многозначительный взгляд, Люсинда выходит из додзе в коридор и направляется в комнату отдыха для персонала, расположенную напротив офиса. Я следую за наставницей.

Окно в помещении приоткрыто, и висящая над ним музыкальная подвеска тихонько позвякивает на ветру.

— Садись, — распоряжается Люсинда.

И скрывается в соседней комнате — наверное, там ванная. Вернувшись с чистым, смоченным в воде носовым платком, Люсинда садится на диван рядом со мной.

— Мне правда очень жаль, — в который раз повторяю я.

Хотелось бы сказать что-то другое, но на ум ничего не приходит.

— Я не хотела, — шепчу я.

— Это не самое страшное, что случалось с моим носом. Смотрите, кровь перестала. — В подтверждение своих слов Люсинда ненадолго убирает платок и успокаивающе улыбается. Но у нее из носа все еще идет кровь. — Лучше скажи, что все-таки произошло?

Отмолчаться? Ага, не хватало еще разозлить Люсинду. Но что ей ответить? Что мне привиделся дурной сон и в последнее время мне часто снятся кошмары? Только грежу я наяву. И раньше это были обрывочные видения, короткие флеш-бэки, врывавшиеся в реальность. Но на этот раз я перестала быть собой, и мир вокруг тоже изменился. Это хуже. Гораздо хуже.

И я просто говорю:

— Я больше не приду сюда. На мгновение я потеряла контроль над собой.

Опустив платок, Люсинда выгнула бровь, будто я неудачно пошутила.

— Ты почувствовала, что потеряла контроль над собой? Серьезно? Ты?

Вместо ответа я горько усмехнулась. Неужели я так сильно стукнула ее по голове и она ничего не помнит?

— Тебе не свойственна агрессия, Майлин. Уж поверь, я разницу знаю. Ты боялась. У тебя была паническая атака?

Я вздрогнула: видимо, в предположении Люсинды есть доля правды. Паническая атака — да, похоже на то. Это было воспоминание. Только вот не мое. У меня не может быть таких воспоминаний.

Люсинда положила руку мне на колено:

— Майлин, за последние полгода тебе пришлось многое пережить... Это любого выбило бы из колеи. От этого не избавишься, просто делая вид, будто ничего не произошло.

Я не ответила, лишь покачала головой.

— Эй, следующие три дня я буду ходить со сливой вместо носа! Другие тренера же засмеют. Не хочу такое говорить, но ты задолжала мне объяснение.

Молча смотрю на висящую у окна музыкальную подвеску. Люсинда права. Но, увы, у меня *нет* объяснения. Могу ли я рассказать ей о своей связи с человеком, которого не существует в этом мире, а связь, может, воображаемая? Вряд ли.

— Ты изменилась.

Я не смотрю на Люсинду, но чувствую, что она посерьезнела.

— Это связано с твоим исчезновением? — допытывается Люсинда. — Тогда что-то случилось?

Она не в первый раз спрашивает об этом. Мы с Натание-лем отправились в Лиаскай, а сами утверждали, что ездили в Лондон. О нашем исчезновении ходило много слухов, и даже Люсинда, которой обычно нет дела до сплетен и болтовни, не осталась в стороне. После нашего возвращения из Лиаскай Натаниель больше не появлялся в додзе, мы старательно из-

бегали друг друга, и все это лишь подлило масла в огонь подозрений Люсинды. Она решила: между нами что-то произошло.

— Я влюбилась, — признаюсь я.

С Люсиндой не поспоришь: я задолжала ей правду.

— В Натаниеля, — не спрашивает, а утверждает Люсинда, с босыми ногами забираясь на диван и откидываясь на спинку.

— Нет. В кое-кого другого.

Придвинувшись ближе, Люсинда приобнимает меня за плечи:

— И в кого же?

Ах, сколько всего прозвучало в ее вопросе... Кто это? Что он натворил? Что между вами случилось?

— Его зовут Лиам.

Как и всегда, от звука его имени по телу будто прокатывается ударная волна. Хочется свернуться калачиком на полу — сколько же невыносимой боли причиняет тоска... Но, как это обычно бывает после взрыва, боль сменяется оглушением, тупым и беззвучным, и я могу вымученно улыбнуться.

— Может, расскажешь что-нибудь про него? — с любопытством спрашивает Люсинда.

И тут мое желание хоть немного поговорить с Люсиндой о Лиаме растаяло, словно сон в миг пробуждения. Она не поймет, в чем тут загвоздка, и, сама того не желая, лишь разбередит рану.

— У тебя есть его фото?

— Нет, не расскажу. И фото тоже нет. Мы не можем быть вместе, он живет бесконечно далеко отсюда...

— Как насчет скайпа? Вы хоть изредка созваниваетесь?

Качаю головой:

— Это невозможно.

Люсинда умолкает, хотя с ее губ уже было готово сорваться: «Но...» Все же она поняла, что проблема у меня посерьезнее, нежели просто любовь на расстоянии.

— Он не отвечает тебе взаимностью? — осторожно интересуется Люсинда.

— Увы! Я сломала ему нос, и с тех пор он меня ненавидит, — шучу я.

Шутка вышла слабая, но мы с Люсиндой натянуто улыбнулись.

— Нет, все не так, — объясняю я. — К сожалению, он тоже меня любит. Любил. Но прошло целых полгода, может, он обо мне и думать забыл.

Для Лиамы так было бы лучше всего... И это самое малое, что я могу ему пожелать. Пусть он будет счастлив, не одинок. Но интуиция, наша с Лиамом связь и мои узы с Лиаской — с каждым вздохом я чувствую легкое покалывание в том самом месте, где тира Стелларис коснулась лба, пустив в меня магию Лиаской, — все это шепчет, что Лиам не забудет меня, даже если очень захочет. Я сама все так устроила, обрекла нас обоих на жизнь с тоской. Но самое ужасное — мне это нравится. Глубоко за тоской, томлением и болью я чувствую непоколебимую уверенность: несмотря ни на что мы с Лиамом будем вместе, в этой жизни или в следующей.

— Майлин?

Люсинда встревоженно смотрит на меня. Только теперь я поняла, что гляжу в пустоту.

— Прости, — торопливо говорю я. — Это не объяснение...

— Ничего страшного, — пытается успокоить меня Люсинда, но она утешает лишь Майлин из Ирландии. Ту неуверенную девушку, которой я была до путешествия в Лиаской. Там я стала другой. И Люсинда даже помыслить не может, какая опасность кроется внутри меня.

Встаю с дивана. Двигаюсь вроде нормально, но почему-то чувствую себя неуклюжей и страшно уставшей.

— Повезло, что никто, кроме тебя, не пострадал. Я потеряла контроль над собой... и не могу пообещать, что больше такого не повторится.

Повторится. Станет только хуже.

— Лучше я на какое-то время прекращу тренироваться. Пока...

«Пока никого не прикончила», — мысленно договариваю то, что не могу произнести вслух.

Тогда я не смогла этого сделать. Позволила Кассиану ускользнуть, потому что оказалась не готова переступить ту черту... Не

могла убить человека, даже негодяя из негодяев. И с тех пор жалею о том, что не смогла отнять у него жизнь всякий раз, когда Лиаскай мягко завлекает меня в сети, манит к себе.

Ах, если бы я могла последовать ее зову! Второй раз Кассиану живым не уйти...

Люсинда не пытается меня переубедить. Она догадывается, что я права. Может, чувствует: что-то во мне изменилось. Что именно — объяснить невозможно. Не в этом мире. Не в Завременье.

Лиаскай преобразила меня, и скоро я больше не смогу скрывать это. Я теперь воин. Я теперь лгунья. Даже сбежав, я осталась... Королевой.

ГЛАВА 3

— Майлин? Привет.

Голос Натаниеля звучит глухо, словно он, произнося мое имя, пытается подавить тяжелый вздох.

Да, не спорю, прежде я звонила Натаниелю не в лучшие минуты моей жизни, но зачем так безжалостно об этом напоминать?

— По голосу понятно, как ты рад меня слышать.

— Я задаюсь вопросом, откуда придется забирать тебя сегодня. И почему. Ты опять баловалась травкой?

— Да не балуюсь я травкой! И никогда не баловалась!

Речь о совершенно безвредных маленьких пирожных, экстрашоколадных «брауни с секретом». Рави с сестрой испекли их в честь моего восемнадцатилетия. Рави предупреждал, но откуда мне было знать, что даже двух крохотных брауни окажется слишком много?

— Опять ноги не держат? — насмехается Натаниель.

— Кривизна Земли, не слышал о таком?

Однажды я испытала ее так отчетливо... казалось, что я вот-вот упаду, кувырком покачусь по земле. В отличие от Натаниеля мне было совсем не до смеха.

— Да-да, ты почувствовала движение земной коры. Я отлично это помню, хотя предпочел бы забыть.

— Это вообще было в другой раз, и тогда я перебрала с джин-тоником.

— Я придерживал твои кудри, пока ты обнималась с унита-зом, так что точно знаю, с чем ты перебрала.